

Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений*

Д. А. Пашенцев

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Для цитирования: Пашенцев, Дмитрий А. 2020. «Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 35–49. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103>

В статье вопрос о влиянии современных цифровых технологий на правоприменение рассматривается с позиций современной постнеклассической методологии, в первую очередь конструктивизма и антропоцентризма как направлений социологической юриспруденции. Правоприменительная деятельность исследуется в качестве механизма воспроизводства права — важного элемента конструирования социальной реальности. Показано, что определяющую роль в правоприменении играет субъект правоприменительной деятельности, действия которого детерминированы множеством факторов, в том числе его правосознанием. Цифровизация воздействует на индивидуальное и коллективное правосознание субъектов правоприменения, тем самым детерминируя характер и результаты правоприменительной деятельности. Цифровая реальность сказывается и на существующей в обществе системе ценностей, и на правоприменении. Также исследовано влияние цифровых технологий на правоприменительные процедуры и на юридическую технику. Прогнозируется значительное изменение данных параметров в связи с перспективным появлением цифрового закона как новой, более гибкой формы права. Цифровой закон станет интерактивным правовым актом, способным подстраиваться под запросы субъектов конкретных правоотношений. Он коренным образом изменит представления о юридической технике, так как будет создаваться с помощью цифрового краудсорсинга. В то же время применение норм цифрового закона несет определенные риски, которые также исследованы в статье. Еще одно важное направление воздействия цифровых технологий на правоприменение связано с автоматизацией и алгоритмизацией правовой сферы, так как внедрение цифровых технологий в правоприменительный процесс предполагает использование роботов и искусственного интеллекта. В связи с этим проанализированы проблемы и риски алгоритмизации права и наделения роботов элементами правосубъектности.

Ключевые слова: правоприменение, цифровизация, цифровые технологии, субъект права, правосознание, конструирование социальной реальности, блокчейн, цифровой закон.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

1. Введение

В современных условиях одним из важнейших факторов, оказывающих существенное воздействие на право как на регулятор общественных отношений, выступает цифровизация. Внедрение новых цифровых технологий приводит к изменениям во всех сферах жизни, причем эти изменения по своим масштабам схожи с очередной технической революцией (Хабриева 2018, 6). Употребление самого понятия «цифровизация» призвано подчеркнуть комплексный и масштабный характер тех изменений, которые происходят в обществе под влиянием цифровых технологий. Новые технологии меняют и базис, и надстройку общества, они не только порождают новые, ранее не известные общественные отношения, но и формируют целые сферы таких отношений. Как следствие, возникает объективная необходимость в трансформации правовых регуляторов, их приспособлении к возрастающему темпу жизни, к решению стоящих перед обществом и государством задач.

В наших предыдущих публикациях была проанализирована роль современных цифровых технологий в правотворческой деятельности (Пашенцев, Алимова 2019). Однако не менее важен научный анализ тех направлений, в рамках которых цифровизация влияет на правоприменение.

Новая научная парадигма, формирующаяся сегодня, связана с возникновением постнеклассической научной рациональности (Степин 2003, 620). Эта рациональность существенным образом обогащает методологию научных исследований, так как наряду с классическими методами познания окружающей реальности допускает применение новых, ранее неизвестных методов. Она предполагает междисциплинарный характер исследований, а также реализацию системного подхода. В контексте исследования особенностей правоприменения в условиях цифровизации представляется перспективным применение методологии конструктивизма, который рассматривает все явления социальной реальности как определенный конструкт, возникающий в результате первичного произвола и последующей социальной амнезии (Честнов 2012, 105). Конструктивизм логично дополняется антропоцентризмом, ставящим субъект права в центр правовой системы. В итоге именно от действий субъекта права, детерминированных его правосознанием, зависит процесс конструирования правовой реальности, тот итоговый результат правоприменения, который и служит критерием его эффективности.

Исследование влияния цифровизации на правотворчество в целом логично проводить в контексте социологического подхода к правопониманию, рассматривающего право именно как правоотношения, как нормы в действии. Такой подход помогает сосредоточить главное внимание именно на вопросах правоприменения, в том числе на субъекте правоприменительной деятельности.

2. Основное исследование

Воздействие цифровизации общественных отношений на правоприменение определяется сущностью правоприменительной деятельности; правовой природой цифровизации, которая проявляется в особенностях влияния цифровых технологий на правовую сферу общества.

Важность правоприменительной деятельности детерминирована тем, что нормы права, которые не применяются в жизни и не регулируют реальные общественные отношения, с позиций современного социологического правопонимания не могут считаться подлинным правом. Цель принятия любой правовой нормы состоит именно в том, чтобы затем применять эту норму на практике. Поэтому правоприменение представляется неотъемлемой частью правовой деятельности, логично дополняющей правотворчество.

В советский период развития отечественной юриспруденции вопросам правоприменения уделялось достаточно много внимания. В частности, В. В. Лазарев, который последовательно изучал важные аспекты применения права, еще в 1973 г. подчеркивал несколько принципиальных моментов: 1) оценка обстоятельств дела правоприменителем не должна расходиться с оценкой законодателя, принимавшего соответствующую норму; 2) важно воспитательное значение правоприменительного акта; 3) правоприменительная деятельность имеет комплексный характер; 4) существует взаимосвязь между правоприменением и правосознанием (что, заметим, особенно важно сегодня) (Лазарев 2010, 12).

Позже в теории появилось осознание комплексного характера правоприменительной деятельности, понимание «правоприменения как определенной фазы в общих циклах правового развития» (Тихомиров 2009, 4). Ученые стали писать о том, что в вопросах правоприменения следует учитывать взаимодействие между отраслями права и характерными для них правовыми средствами, соотношении права с иными социальными регуляторами, важность существующих судебных процедур и международно-правовых механизмов (Тихомиров 2008, 8–9).

Таким образом, юридическая наука подошла к тому, чтобы признать определяющую роль субъекта правоприменения, деятельность которого детерминирована его правосознанием, а также совокупностью правовых и неправовых факторов. Основоположник концепции «живого права» О. Эрлих справедливо отмечал: «Любой судья, любой чиновник знает, что он редко принимает решения исходя только из правовых предположений... Как говорят юристы, намного чаще решается “вопрос факта”, а не “вопрос права”» (Эрлих 2011а, 94).

Этот аспект приобретает особую актуальность в контексте юридического антропоцентризма, который используется в качестве одного из методологических оснований настоящего исследования. С позиций социологической юриспруденции субъект правоприменения, принимая решение по конкретному делу, связанному с применением конкретной правовой нормы, испытывает воздействие целого ряда факторов. Преломляясь в сознании субъекта, эти факторы в итоге отражаются в определенном правоприменительном решении. «Применение закона судьей лишь до тех пор можно было считать простой, не требующих особых пояснений задачей, пока предполагалось, что судья просто выполняет то, что поручено ему законодателем» (Эрлих 2011b, 520). Таким образом, с позиций социологической юриспруденции очевидно, что именно от правосознания зависит то, каков будет результат воздействия жизненных факторов и обстоятельств, связанных с конкретным субъектом, на его правоприменительное решение.

Когда мы говорим о правосознании как факторе эффективного правоприменения, то имеем в виду не только индивидуальное, но и коллективное правосознание. Такое правосознание, с одной стороны, связано с коллективной памятью, а с дру-

гой — в той же степени поддается социальному конструированию, что и иные явления правовой реальности (Дорская, Дорский 2018, 125).

Признание решающего влияния правосознания субъекта правоприменения на результаты правоприменительной деятельности подводит к тезису, что любые изменения в коллективном правосознании влекут за собой и изменения в правоприменении. В данном контексте крайне важным представляется исследование воздействия современных цифровых технологий на правосознание. Ученые, изучающие этот вопрос, говорят о существенном изменении психических и ментальных параметров в результате цифровизации. Так, В. В. Миронов справедливо отмечает, что «электронная культура порождает целый ряд коммуникативно-психологических проблем» (Миронов 2017, 36). Такая культура, неизвестная на предшествующих этапах развития цивилизации, меняет само человеческое мышление, в силу чего некоторые мыслительные функции становятся практически ненужными. Кардинально изменяется характер принятия решений — в условиях цифрового общества субъект сначала совершает какое-либо действие и только потом начинает задумываться о его целесообразности и нравственном характере. Под влиянием современных цифровых технологий формируется так называемое клиповое сознание, которое базируется «на поверхностном восприятии фрагментов реальности» (Миронов 2017, 34). В результате люди утрачивают навыки анализа текстов и комплексного восприятия существующих проблем, т. е. базовые аналитические навыки и способности, требующиеся для успешной правоприменительной деятельности.

Таким образом, воздействие цифровых технологий приводит к тому, что меняются менталитет и психика субъектов правоприменения, характер мышления и, как следствие, трансформируются результаты анализа нормативного правового материала в процессе правоприменения.

Развитие современных цифровых технологий привело к появлению новых эффективных способов воздействия на человеческое сознание. С их помощью вполне можно добиваться от человека совершения определенных поступков, выгодных тем, кто эти технологии применяет (Алексеева 2007, 166). Как следствие, правосознание субъекта правоприменения, существующего в условиях цифровой среды, закономерно выступает объектом манипулирования. Кроме того, формирование цифровой среды сопровождается достаточно широким и быстрым распространением новой системы ценностей. Испытывая сильное давление этой системы и нового порядка социальных коммуникаций, правосознание субъекта права вынуждено измениться. В итоге изменяется и модель правового регулирования общественных отношений, которая непременно включает в себя субъект права.

Источником права в широком понимании являются общественные отношения. Изменение этих отношений в результате цифровизации неминуемо должно сказаться на всех параметрах права, в том числе на правоприменении. При анализе стоит учитывать, что воздействие общественных отношений на право представляется комплексным процессом, в котором важную роль, помимо общества, играет и государство. Получается сложное взаимодействие между тремя элементами сразу — государством, правом и обществом, и модели его развития обладают различной степенью интенсивности в зависимости от конкретного этапа общественного развития (Ильина, Дорская, Дорский 2018, 468).

Прежде всего цифровые технологии при их активном и повсеместном внедрении и использовании меняют сам характер взаимоотношений в обществе. Диктуемая цифровизацией логика сетевого взаимодействия наделяет общественное развитие неизвестной прежде гибкостью, в результате чего социальные институты и процессы способны легко и быстро изменяться, успешно встраиваясь в формирующуюся новую реальность.

Кроме того, цифровизация, создавая новое информационное пространство, тем самым влияет на человека как субъекта правоприменения. Под давлением громадного объема ежесекундно поступающей новой информации и цифровых способов ее восприятия и использования человек превращается в «сетевого» индивида, что изменяет структуру факторов, воздействующих на него в ходе принятия правовых решений в процессе правоприменения. Новые технологии формируют «целый мир поведенческих моделей, которые постоянно, ежедневно на работе и в быту окружают человека и программируют его деятельность во всевозрастающем масштабе» (Маликова 2012, 29).

Субъект правоприменения, выполняя социальную функцию, остается человеком, и его человеческая природа детерминирует неминуемое присутствие иррациональных мотивов в поведении и принятии решений. Не только ум и логика обуславливают принимаемые в сфере права решения, но и сакральные представления, магия, мистика (Мальцев 2007, 42). Цифровая реальность не отменяет иррациональных элементов в поведении субъектов права, но она влияет на эти элементы, заменяет одни мифы, представления и ритуалы другими. Правоприменитель функционирует в сфере права и вместе с тем является участником иных социальных взаимодействий, выполняет несколько социальных ролей и в этом качестве подвержен воздействию существующих в обществе верований, религиозных представлений и мифов. Цифровизация способствует появлению новых мифов, ритуалов и представлений, в том числе связанных с виртуальной реальностью, и их широкому распространению посредством социальных сетей. Все это неизбежно меняет систему взглядов и воззрений, мотивирующих поведение субъектов правоприменения.

Цифровые технологии, изменяющие окружающую действительность и приносящие в человеческую жизнь стремительный информационный поток, нередко вызывают у членов общества не только закономерную реакцию приспособления, но и противоположную реакцию — стремление защитить себя, свой разум и свою психику от воздействия этих новых технологий. Современное информационное общество, как отмечал Г. В. Мальцев, повышает значение повседневности для правовой среды. Человек хочет защитить свою повседневность, отстоять право жить так, как он хочет жить, вопреки ритму информационных потоков и цифровых искушений. «Человек бросает якорь в повседневность, чтобы не быть унесенным в незнакомый, искусственно создаваемый мир, который удаляется от его исконной природы» (Мальцев 2007, 54). И это стремление также может служить важным мотивирующим фактором для субъекта правоприменения, особенно в том случае, если он не вписывается в новую цифровую реальность.

Одна из важных сторон взаимодействия права и общества — легитимация права, при этом право должно рассматриваться не просто как система норм, но и более широко. Конструирование правовой реальности включает три стадии, и создание

норм с помощью системы знаков — только одна из них. Не менее важны две другие стадии: создание ментального образа и воплощение правовых предписаний в повседневных действиях людей, в первую очередь субъектов права, наделенных полномочиями по реализации правовых норм. Поэтому право можно рассматривать как легитимное только в том случае, если таковыми будут признаваться и сами нормы, и принимаемые на их основе правоприменительные решения.

Легитимация в обществе «формируется естественным путем — принятием населением той инновации, которая вырабатывается правящей элитой и референтной группой» (Честнов 2011, 9). Общество признает принимаемые для него законы, выражает согласие подчиняться им, не противится наказанию тех, кто нарушает эти законы. Применение легитимных законов естественно воспринимается как легитимный акт, способствующий укреплению существующего правопорядка (Залозило, Пашенцев 2019, 197).

Фактически легитимность права означает доверие общества к праву, включая правовые механизмы: «Доверие (легитимность) — это состояние правосознания и правопорядка, в которых получают признание существующие сегодня и сейчас правовые институты» (Честнов 2011, 10).

Существование института в течение длительного времени — это показатель его легитимности, доверия к нему. Суд как правоприменительный орган легитимен в силу своего длительного существования. Само существование суда не вызывает вопросов — к этому органу давно привыкли, его считают естественным элементом механизма правоприменения и институтом государственной власти.

Доверие в праве — это имманентно присущий праву аспект, «включающий согласие по поводу социальной (и функциональной) значимости определенного варианта поведения, его принятие на уровне как установки, так и поведения» (Честнов 2011, 9). Принципиально важно включить доверие в механизм воспроизводства правовой реальности.

Доверие в праве предполагает ожидание предсказуемых действий со стороны субъектов правоприменения. Там, где существует институт судебного прецедента, степень предсказуемости правоприменительных актов существенно выше. В Российской Федерации судебная практика по одинаковым делам нередко может быть разнообразной, что, с одной стороны, укладывается в рамки так называемого судебного усмотрения, а с другой — не способствует ее легитимации.

Правоприменение, как было сказано выше, существует в обществе и не может быть независимым от него. Оно выступает частью механизма воспроизводства права как важного элемента конструирования социальной реальности, поэтому у данного механизма есть исторический и социокультурный контексты (Честнов 2011, 9). Исторический контекст более стабилен, менее подвержен изменениям. Что касается социокультурного контекста, то он представляется более динамичным, зависящим от внешних факторов. В современных условиях цифровизация оказывается тем значимым фактором, который меняет социокультурный контекст реализации права. Фактически новые цифровые технологии формируют такой контекст, который можно условно назвать цифровым.

Цифровизация неизбежно меняет стереотипы массового поведения, которое, в свою очередь, выступает одним из этапов и условий конструирования правовой реальности. Любое действие, направленное на применение правовых норм, не-

избежно основано на существующей правовой традиции, но при этом содержит в себе определенный элемент инновации. Цифровизация смещает акцент с традиционности на инноватику, повышает степень инновационности действий в правовой сфере.

Одно из условий легитимации права — применение правильных процедур его принятия. Как справедливо писал Ю. Хабермас, «положительное право легитимно не потому, что оно отвечает содержательным принципам справедливости, а потому, что устанавливается посредством справедливых, т. е. демократических по своей структуре, процедур» (Хабермас 2001, 242).

Чтобы право было легитимным и справедливым, необходимо доверие членов общества к: 1) существующим процедурам правотворческой деятельности; 2) конкретным людям, занимающимся этой деятельностью; 3) существующему правоприменительному механизму; 4) конкретным субъектам правоприменения.

Процедуры принятия и реализации правовых норм предполагают определенную дискурсивную коммуникацию, помогающую субъектам права преодолеть субъективные взгляды ради достижения мотивированного согласия. Результат правоприменения зависит не только и не столько от содержания применяемых норм, но и от избранной процедуры правоприменительной деятельности, а также от способности субъектов правоприменения достигать необходимого согласия, соотносить свои конкретные действия в рамках установленной процедуры с коллективным правовым целеполаганием.

Значимость процедуры в праве заставляет придавать особое значение юридической технике. Именно она лежит в основе тех процессуальных форм, которые характерны и для правотворчества, и для правоприменения. Однако наличие юридической техники и ее правильного (установленного) использования еще не гарантирует легитимного и обоснованного правоприменения. Любая юридическая техника в своем практическом выражении (результате) зависит от использующего ее субъекта. Поэтому даже беспрекословное следование правилам юридической техники не гарантирует защиту от ошибок.

Юридическая техника вполне может рассматриваться как попытка ввести деятельность субъекта права в рациональные рамки, минимизировать иррациональную составляющую этой деятельности. Наряду с установленными юридическими процедурами, юридическая техника позволяет сделать правоприменение предсказуемым, в определенной мере легитимировать его результат.

В условиях цифровизации юридическая техника существенно изменяется. Более того, в перспективе может измениться и ее значение, что связано с такой прогнозируемой формой права, как цифровой закон.

Цифровой закон — новая, существующая в электронном виде форма правового акта — представляется гибким инструментом регулирования общественных отношений. Его модель должна быть основана на эффективном сочетании общих и общеобязательных правил поведения с возможностью настройки под конкретный случай и конкретных субъектов.

Обладая цифровой формой, этот источник права закономерно должен стать интерактивным, основанным на механизме изменения правовых норм посредством электронного краудсорсинга. Лишь в этом случае новый закон будет в состоянии успешно решать свои задачи, включая эффективное регулирование отно-

шений, складывающихся в виртуальном пространстве (Пашенцев, Алимова, 2019, 104).

Цифровой закон может существенным образом изменить представление о юридической технике, кроме того, его внедрение способно негативно повлиять на легитимацию права, что неминуемо скажется на правоприменении. Однако самая большая проблема, которую предстоит решать юриспруденции с внедрением цифрового закона, — это проблема практической реализации его норм.

Гибкий и адаптивный характер цифрового закона предполагает необходимость создания столь же гибких механизмов и средств правоприменения. В основе этих механизмов будут лежать принципы саморегуляции, выбора субъектами авторитетных арбитров, независимого характера их деятельности. Варианты возникновения подобных механизмов в настоящее время возможны на базе такой новой технологии, как блокчейн. Будучи системой распределенных данных, достоверность которых гарантирована самой структурой, блокчейн дает возможность заключения смарт-контрактов. Первые шаги, сделанные в этом направлении участниками общественных отношений, показывают хорошие перспективы смарт-контрактов в плане возможности занять важное место в системе применения права, прежде всего в сфере экономики.

Еще одно направление влияния цифровых технологий на правоприменение связано с автоматизацией и алгоритмизацией правовой сферы. Внедрение цифровых технологий в процесс правоприменения предполагает использование роботов и искусственного интеллекта, что ставит на повестку дня вопрос о правовых алгоритмах. Этот вопрос поднят достаточно давно, еще до того, как отчетливо проявились контуры и возможности цифровизации. В частности, американский социолог Д. Белл, сформулировавший и обосновавший понятие постиндустриальной эпохи, одним из ее главных признаков считал «замену интуитивных рассуждений алгоритмами» (Bell 1973, 32).

Правоприменение по своей природе далеко не всегда способно осуществляться в рамках строгих алгоритмов. В праве существуют пробелы, а любое социальное взаимодействие бывает многоаспектным, допускает различные и порой неоднозначные оценки. В связи с этим представляется справедливой позиция Г. Харта: любая норма, содержащаяся в законодательстве или судебном прецеденте, может успешно применяться в огромном количестве случаев, но рано или поздно возникнет ситуация, в которой эти нормы будут неопределенными, а их применение — сомнительным (Харт 2007, 130). В таких случаях (а их в правовой практике не так уж мало) алгоритмизация правоприменения оказывается бессильной.

Тем не менее с развитием цифровых технологий правовая алгоритмизация из прогноза превратилась в реальность. В современных условиях роботы уже составляют искивые заявления и другие юридические документы; они же в ряде случаев выступают как судьи, т.е. становятся субъектами правоприменения. Такой опыт уже имеется в Китае и Латвии, причем в последнем случае правоприменительная деятельность роботов закреплена законодательно. Без соответствующих алгоритмов подобная деятельность просто невозможна. Необходимость опираться в процессе правоприменения на действующее законодательство ставит вопрос о машиночитаемом тексте законов. Однако такой текст предполагает его перевод в цифровую форму, поскольку машина понимает информацию, состоящую из двух

цифр: ноля и единицы. Таким образом, если до сегодняшнего дня в основе записи правовых норм лежали буквенные символы, то потребность в алгоритмизации этих норм и приведении их в машиночитаемый вид предполагает замену их цифровыми символами, проще говоря, числами. Это облегчит применение права роботами, но может затруднить традиционную правоприменительную деятельность человека как главного субъекта правоприменения, так как человек воспринимает именно буквенные, а не числовые символы текстов правовых актов. Можно констатировать, что возникновение роботов как новых субъектов правоприменения способно в перспективе существенно осложнить правоприменительную деятельность человека.

Появление нового субъекта правоприменения — робота — порождает целый ряд проблем как теоретико-методологического, так и практического характера.

Во-первых, процесс применения права не может быть полностью алгоритмизирован, так как писаное право никогда не содержит «всей полноты информации для разрешения конкретного дела — ситуации» (Исаев и Честнов 2014, 263), поэтому невозможно полностью исключить из правоприменительного процесса человека, способного осуществлять интерпретацию правовых норм с целью восполнения пробелов и приспособления абстрактной нормы к конкретной ситуации. Придется решать задачу организации взаимодействия человека и робота в правоприменительной деятельности, что предполагает сочетание алгоритмизированного искусственного мышления и творческого интуитивного начала.

Во-вторых, человек как субъект правоприменения обладает определенным правовым статусом и в ряде случаев несет юридическую ответственность за свои действия. Статус робота-правоприменителя пока не определен. Более того, дефиниция этого статуса сталкивается с проблемами принципиального характера, так как предполагает наделение роботов определенной правосубъектностью. Уже существуют законодательные инициативы, направленные на признание зарегистрированных роботов-агентов субъектами гражданского права. Однако пока эти инициативы встречают обоснованные возражения, связанные в числе прочего с тем, что у робота нет психики, к нему неприменимо понятие вины как психического отношения лица к совершаемому им деянию. Без вины нет и деликтоспособности — неотъемлемой составной части правосубъектности. Вопрос о возможной юридической ответственности в случае наделения правосубъектностью робота-правоприменителя остается открытым.

Современные ученые справедливо подчеркивают возможное распространение ситуаций, в которых роботы будут принимать решения, непосредственно связанные с применением правовых норм и влияющие на возникновение у людей определенных прав и обязанностей. Эти ситуации связаны не только с использованием роботов в качестве судей, выносящих обязательные решения по применению правовых норм в конкретных ситуациях. Роботы могут принимать решения о предоставлении государственных услуг, принудительном списании денег со счетов граждан и т. д. (Тихомиров и Нанба 2019, 28).

Цифровизация влияет на правоприменение не только напрямую, но и опосредованно, воздействуя на его вспомогательные параметры, способствующие повышению эффективности правоприменительной деятельности. В частности, ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

рассматривают цифровизацию как «средство получения гибкости правоприменения, приносящее высокий результат» (Голованова и др. 2019, 39). На примере сферы уголовного права они пишут о создании «единой системы электронного документооборота для правоохранительных ведомств, которая будет контролировать движение расследуемых дел, — Государственной автоматизированной системы правовой статистики» (Голованова и др. 2019, 39). Создание такой системы будет способствовать упорядочению делопроизводства в ведомствах, связанных с реализацией законодательства, повысит эффективность действий в уголовно-процессуальной сфере, обеспечит более высокий уровень прозрачности и законности действий правоприменителей. Предполагается, что в основу указанной системы ляжет упомянутая выше технология блокчейн, что весьма удобно с точки зрения защиты данных от хакерских атак.

Еще один аспект исследуемой проблемы связан с тем, что цифровые технологии при правильном и активном их использовании могут облегчить принятие и реализацию правоприменительных решений. Автоматизация процессов в сфере судопроизводства и использование искусственного интеллекта не только способны сократить требуемое количество юристов младшего звена, труд которых зачастую оплачивается достаточно низко, но и позволят принимать более обоснованные решения, уменьшив сроки их принятия. Кроме того, эти технологии облегчат доступ граждан к правосудию, что в конечном счете будет способствовать более эффективному правоприменению.

Цифровые технологии влияют и на использование судебных доказательств. Появляются новые виды доказательств и способы их фиксации. Большое значение в гражданском и арбитражном процессах приобрел факт использования цифровой (электронной) подписи, с помощью которой можно удостоверить сделки. Более того, если гражданско-правовой договор изготовлен и подписан при помощи электронно-вычислительной техники с использованием цифровой (электронной) подписи, то стороны этого договора могут представлять в арбитражный суд доказательства по спору, вытекающему из этого договора, заверенные цифровой (электронной) подписью (Бегичев 2013а, 148).

В условиях цифровизации меняется роль нотариусов. С одной стороны, сфера нотариальной деятельности несколько расширяется за счет возникшей потребности осуществления определенных нотариальных действий в сети Интернет. Граждане все чаще обращаются в нотариальные конторы для фиксации содержания того или иного сайта (Бегичев 2013b, 13). Такая фиксация, осуществленная нотариусом, принимается судом в качестве доказательства. С другой стороны, развитие технологии блокчейн может привести к тому, что деятельность нотариусов окажется невостребованной. Блокчейн способен выступать гарантией прав на имущество, которое находится в цифровом обороте, в первую очередь на интеллектуальные права. С помощью этой технологии вполне реально осуществлять передачу прав на ценные бумаги и даже объекты недвижимости. Более того, согласно отдельным смелым прогнозам, блокчейн может стать основой оборота любого имущества, обеспечивая гарантию проводимых сделок и заключаемых смарт-контрактов, что устранил необходимость в их нотариальном удостоверении. Действительно, автоматически исполняемые контракты снимают такие проблемы, как неисполнение обязательств, непоступление платежей, фальсификация договоров. Более того,

они в состоянии устранить саму необходимость в использовании права и, соответственно, резко сузить пространство правоприменения (Barraud 2018, 60).

Изменение мира в результате процесса его цифровизации неизбежно порождает противоречие между действующим правом, включая систему правоприменения, и быстро развивающимися общественными отношениями, новыми как по содержанию, так и по сферам своего существования. В этих условиях не стоит возлагать слишком большие надежды на то, что совершенствование правоприменительной деятельности будет способствовать дальнейшему укреплению правового порядка и повышению правовой культуры населения. Как справедливо писал Г. В. Мальцев, суд по своему социальному назначению призван защищать уже существующие в обществе отношения, но не созидать и не развивать их. Более того, «в социально благополучном государстве... подавляющее большинство юридических норм должно действовать до суда и без суда» (Мальцев 2007, 645). Поэтому, признавая важную роль правоприменения в конструировании социальной реальности, отметим, что это только часть процесса конструирования, причем достаточно консервативная. При существующей потребности в совершенствовании механизма правоприменительной деятельности он в любом случае будет отставать от темпов развития современного цифрового общества. И чем сильнее проявится такое отставание, тем выше окажется вероятность возникновения иного, неправового регулятора, основанного на цифровых технологиях и в силу этого гораздо более гибкого по сравнению с правом. В результате появления нового регулятора право не исчезнет, оно продолжит играть важную роль в конструировании общественных отношений, но его сила и сфера воздействия могут существенно уменьшиться.

3. Выводы

Проведенное исследование показывает, что цифровизация — мощный фактор, воздействующий на динамику общественных отношений и, как следствие, на характер и способы конструирования социальной реальности. Выступая важной частью такого конструирования, правоприменение в условиях цифровизации неминуемо меняет ряд своих формальных и сущностных характеристик. Основные направления влияния современных цифровых технологий на правоприменение проявляются в следующем:

- 1) важную роль в правоприменении играет его субъект, который применяет действующие правовые нормы, ориентируясь на свое правосознание и испытывая влияние множества различных факторов; цифровизация меняет менталитет субъекта права, воздействует на его правосознание, что неизбежно отражается на процессе и результатах правоприменения;
- 2) цифровые технологии в перспективе способны существенно изменить существующие представления о юридической технике; более того, прогнозируемый цифровой закон, способный прийти на смену закону традиционному, может отменить необходимость в юридической технике как таковой;
- 3) цифровые технологии влекут за собой все более активное использование в юридической сфере алгоритмов, машиночитаемого текста, искусственного интеллекта; переходит в практическую плоскость вопрос об использовании роботов в качестве судей, что приведет к наделению их стату-

- сом субъектов правоприменения; такая ситуация актуализирует теоретико-правовые дискуссии о правосубъектности и перспективах ее развития в правоприменительной сфере;
- 4) цифровизация влияет на вспомогательные аспекты правоприменения, в том числе на существующие в праве процедуры, на виды судебных доказательств и способы их представления, на характер и содержание нотариальной деятельности;
 - 5) наблюдается тенденция к вытеснению права из некоторых видов общественных отношений, так как уже сегодня имеется возможность осуществлять некоторые виды сделок и исполнять обязательства вне правового поля, при помощи технологии блокчейн и смарт-контрактов; в перспективе цифровые технологии вообще могут изменить значение права в системе регуляторов общественных отношений, снизить роль правового регулирования и, как следствие, значение правоприменительной деятельности.

Библиография

- Алексеева, Ирина Ю. 2007. «Информационные технологии и философское знание». *Актуальные проблемы философии науки*, 162–172. М.: Прогресс-Традиция.
- Бегичев, Александр В. 2013а. «Особенности определения средств доказывания в гражданском и арбитражном процессах». *Образование и право* 11: 147–155.
- Бегичев, Александр В. 2013б. «Нотариальный порядок обеспечения доказательств в сети интернет». *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата* 3: 12–17.
- Голованова, Наталья А., Алла А. Гравина, Олег А. Зайцев и др. 2019. *Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации*. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт».
- Дорская, Александра А., Андрей Ю. Дорский. 2018. «Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 124–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>.
- Залоило, Максим В., Дмитрий А. Пашенцев. 2019. «Национальный правопорядок России в условиях цифровизации». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>.
- Ильина, Татьяна Н., Александра А. Дорская, Андрей Ю. Дорский. 2018. «Взаимодействие Российского государства и общества в правовой сфере: историко-правовой анализ». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 467–483. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.402>.
- Исаев, Николай А., Илья Л. Честнов, ред. 2014. *Социокультурная антропология права*. СПб.: Алеф-пресс.
- Лазарев, Валерий В. 2010. «Правовое сознание и применение права». Лазарев, Валерий В. *Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Закон. Законность. Применение закона*, 11–30. М.: Новая юстиция.
- Маликова, Наиля Р. 2012. *Социальное измерение глобализации*. М.: РГГУ.
- Мальцев, Геннадий В. 2007. *Социальные основания права*. М.: Норма.
- Миронов, Владимир В. 2017. «Трансформация культур — от классической к электронной». *Философия искусственного интеллекта. Труды Всероссийской междисциплинарной конференции*, 28–36. М.: Изд-во МГУ.
- Пашенцев Дмитрий А., Дина Р. Алимова. 2019. «Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений». *Государство и право* 6: 102–106.
- Степин, Вячеслав С. 2003. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция.
- Тихомиров, Юрий А., ред. 2008. *Правоприменение: теория и практика*. М.: Формула права.
- Тихомиров, Юрий А. 2009. «Эффективность закона: от цели к результату». *Журнал российского права* 4: 3–9.
- Тихомиров, Юрий А., Сария Б. Нанба, ред. 2019. *Юридическая концепция роботизации*. М.: Про-спект.

- Хабермас, Юрген. 2001. *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. Пер. с нем. СПб.: Наука.
- Хабриева, Талия Я. 2018. «Право перед вызовами цифровой реальности». *Журнал российского права* 9: 5–16.
- Харт, Грегори Л. 2007. *Понятие права*. Пер. с англ. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Честнов, Илья Л. 2011. «Проблема доверия как принципа гражданского общества и права». *Гражданское общество в России и за рубежом* 1: 7–10.
- Честнов, Илья Л. 2012. *Постклассическая теория права*. СПб.: Алеф-Пресс.
- Эрлих, Ойген. 2011a. *Основоположение социологии права*. Пер. с нем. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум».
- Эрлих, Ойген. 2011b. «Судейское нахождение права на основании предположения. Четыре отрывка из незавершенной работы “Теория судейского нахождения права”». Эрлих, Ойген. *Основоположение социологии права*, 520–579. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум».
- Barraud, Boris. 2018. “Les blockchains et le droit”. *Revue Lamy Droit de l’immatériel, Lamy (imprimé)*, 48–62. Wolters Kluwer édition électronique. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01729646/document>.
- Bell, Daniel. 1973. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture of Social Forecasting*. New York: Basic Books.

Статья поступила в редакцию 25 июля 2019 г.,
рекомендована в печать 15 ноября 2019 г.

Контактная информация:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — д-р юрид. наук, проф.; dp-70@mail.ru

Features of law enforcement in the conditions of digitalization of social relations*

D. A. Pashentsev

Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation,
34, B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation

For citation: Pashentsev, Dmitriy A. 2020. “Features of law enforcement in the conditions of digitalization of social relations”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 35–49.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103>

The aim of the research is to analyze the impact of modern digital technologies on the application of legal norms. In the article the question of the influence of modern digital technologies on law enforcement is considered from the standpoint of modern post-non-classical methodology, first of all, constructivism and anthropocentrism as directions of sociological jurisprudence. Law enforcement activity is investigated as part of the mechanism for the reproduction of law as an important element of the construction of social reality. It is shown that the subject of law enforcement activity, actions that are determined by many factors including legal consciousness, plays a determining role in law enforcement. Digitalization affects the individual and collective legal consciousness of the subjects of law enforcement, thereby affecting the nature and results of law enforcement activities. Digital reality also affects the existing system of values in society, which also inevitably affects law enforcement. The article also examines the impact of digital technologies on existing law enforcement procedures and on

* The article was prepared with the financial support of Russian Foundation for Basic Research, scientific project 18-29-16219 “Innovations of mechanisms of law-making and law-realization in the conditions of digital technologies development”.

legal techniques. A significant change in these parameters is predicted due to the prospective emergence of digital law as a new, more flexible form of law. The digital law will become an interactive legal act, which has the ability to adjust to the requests of the subjects in specific legal relations. It will radically change the idea of legal technology, as it will be created with the help of digital crowdsourcing. At the same time, the application of the norms of digital law carries certain risks, which are also investigated in the article. Another important area of influence of digital technologies on law enforcement is associated with the automation and algorithmization of the legal sphere, as the introduction of digital technologies in the law enforcement process involves the use of robots and artificial intelligence. In this regard, the problems and risks of algorithmization of law and providing robots elements of legal personality are analyzed. The article concludes that modern digital technologies in general can change the importance of law in the system of regulators of public relations, and reduce the role of legal regulation and, as a consequence, the importance of law enforcement.

Keywords: law enforcement, digitalization, digital technologies, subject of law, legal consciousness, construction of social reality, blockchain, digital law.

References

- Alekseeva, Irina Iu. 2007. "Information technologies and philosophical knowledge". *Aktual'nye problemy filosofii nauki*, 162–172. Moscow, Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
- Barraud, Boris. 2018. "Les blockchains et le droit". *Revue Lamy Droit de l'immatériel, Lamy (imprimé)*, 48–62. Wolters Kluwer édition électronique. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01729646/document>.
- Begichev, Aleksandr V. 2013a. "Features of definition of means of proof in civil and arbitration processes". *Obrazovanie i pravo* 11: 147–155. (In Russian)
- Begichev, Aleksandr V. 2013b. "Notarial procedure for providing evidence on the Internet". *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* 3: 12–17. (In Russian)
- Bell, Daniel. 1973. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture of Social Forecasting*. New York, Basic Books.
- Chestnov, Il'ia L. 2011. "The problem of trust as a principle of civil society and law". *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* 1: 7–10. (In Russian)
- Chestnov, Il'ia L. 2012. *Postclassical theory of law*. St. Petersburg, Alef-Press Publ. (In Russian)
- Dorskaiia, Aleksandra A., Andrei Iu. Dorskii. 2018. "The official policy of memory in modern Russia: Legal dimension". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 2: 124–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.201>. (In Russian)
- Ehrlich, Eugen. 2011a. *The Foundation of sociology of law*. Rus. Ed. St. Petersburg, OOO Universitetskii izdatel'skii konsortsiium Publ. (In Russian)
- Ehrlich, Eugen. 2011b. "Judicial finding of the right on the basis of the assumption. Four excerpts from the unfinished work 'Theory of judicial finding of law'". Ehrlich, Eugen. *Osnovopolozhenie sotsiologii prava*. Rus. Ed., 520–579. St. Petersburg, OOO Universitetskii izdatel'skii konsortsiium Publ. (In Russian)
- Golovanova, Natal'ia A., Alla A. Gravina, Oleg A. Zaitsev et al. 2019. *Criminal-jurisdictional activity in the conditions of digitalization*. Moscow, OOO Iuridicheskaiia firma Kontrakt Publ. (In Russian)
- Habermas, Jurgen. 2001. *The involvement of the other. Essays on political theory*. Rus. Ed. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russian)
- Hart, Gregory L. 2007. *The Concept of Law*. Rus. Ed. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Publ. (In Russian)
- Il'ina, Tat'iana N., Aleksandra A. Dorskaiia, Andrei Iu. Dorskii. 2018. "The Russian state and society interaction in the legal sphere: Historical and legal analysis". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 4: 467–483. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.402>. (In Russian)
- Isaev, Nikolai A., Il'ia L. Chestnov, eds. 2014. *Sociocultural anthropology of law*. St. Petersburg, Alef-press Publ. (In Russian)
- Khabrieva, Taliia Ia. 2018. "Law facing the challenges of digital reality". *Zhurnal rossiiskogo prava* 9: 5–16. (In Russian)

- Lazarev, Valerii V. 2010. "Legal consciousness and application of law". Lazarev, Valerii V. *Izbrannye trudy: in 3 parts. Part. 1. Zakon. Zakonnost'. Primenenie zakona, stranitsy*, 11–30. Moscow, Novaia iustitsiia Publ. (In Russian)
- Malikova, Nailia R. 2012. *The social dimension of globalization*. Moscow, RGGU Publ. (In Russian)
- Mal'tsev, Gennadii V. 2007. *The social foundations of law*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Mironov, Vladimir V. 2017. "Transformation of culture — from classical to electronic". *Filosofiiia iskusstvennogo intellekta. Trudy Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii, stranitsy*, 28–36. Moscow, MGU Publ. (In Russian)
- Pashentsev Dmitrii A., Dina R. Alimova. 2019. "Innovations of lawmaking in the conditions of digitalization of public relations". *Gosudarstvo i pravo* 6: 102–106. (In Russian)
- Stepin, Viacheslav S. 2003. *Theoretical knowledge*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A., ed. 2008. *Law enforcement: theory and practice*. Moscow, Formula prava Publ. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A. 2009. "The effectiveness of the law: from the goal to the result". *Zhurnal rossiiskogo prava* 4: 3–9. (In Russian)
- Tikhomirov, Iurii A. and Sariia B. Nanba, eds. 2019. *Legal concept of robotization*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Zaloilo, Maksim V., Dmitrii A. Pashentsev. 2019. "National law and order of Russia in the conditions of digitalization". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 2: 196–209. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>. (In Russian)

Received: July 25, 2019
Accepted: November 15, 2019

Author's information:

Dmitriy A. Pashentsev — Dr. Sci. in Law, Professor; dp-70@mail.ru